

Бирюзовый путь

Человек должен переболеть, чтобы ощутить всю радость бытия

Лариса ОРИНИНА

Окончила филологический факультет МаГУ, вторая специализация — «Психология, педагогика, деловое общение». Работала учителем русского языка и литературы в многопрофильном лицее № 1, сейчас — преподаватель кафедры педагогики и психологии МГТУ. Завершает диссертационное исследование по педагогике. Всегда интересовалась лирикой, неоднократно печаталась в литературных сборниках филфака МаГУ, сейчас увлеклась малыми формами прозы.

ТЕПЛОЕ МАРТОВСКОЕ утро весело билось в распахнутое окно дома Радугиных. Порыв свежего ветра разбудил Ольгу, но от этого стало не радостно, а, напротив, очень тоскливо: как будто какая-то мысль впиалась в сердце едкой занозой и вытолкнула из него ощущение безмятежного девичьего счастья. «Когда-нибудь я перестану просыпаться с мыслью об этом, — подумала Ольга. — Когда-нибудь, но, видимо, не этим прекрасным утром». Неожиданно для самой себя она вдруг тихо заплакала, поднесла обе руки к вискам и закрыв тонкими ладошками уши: «Не хочу слышать всего этого: этой капели, этого ветра, этих птиц, этого беззаботного смеха соседской ребятни. Не хочу! Не хочу! Не хочу!» Почти в это же время в комнату стрелой влетел двенадцатилетний Павел. Черные, мокрые от пота колечки его кудрей колыхались под порывами легкого ветерка, потянувшегося с улицы. Одним махом он сделал колесо и, мурлыча себе под нос куплет какой-то песни, радостно запрыгнул на Ольгино одеяло. «Странно, — подумала она, — порой люди вызывают у меня чувство зависти демонстрацией своего беспечного счастья, а вот с Пашкой все по-другому. Как ему удается все время смеяться, отвлекать от моих дурных мыслей?»

— Ну, ты чего, сеструха? Все лежишь? А чего это мы такие грустные? Слушай последнюю новость нашего городка, то есть нашей школы. В общем...

— Подожди, Паш! Не так быстро, не тараторь: уши заложил. Ты всегда такой шумный. Лучше закрой окно, а то сквозняк. А новость свою расскажешь мне потом.

— Как потом? Когда потом?! Это же нонсенс!

— Ах, Пашка. Набрался от меня модных словечек. Знаешь хотя бы, что это такое?

— Да пойми ты, человечнице, что не обязательно знать, а важно вовремя сказать, тогда и эффект будет сногсшибательным.

— Охотно верю, но пойми: сейчас я очень устала. Поговорим потом, ладно?

— Ладно, извини. Может быть, тебе что-нибудь нужно? Принести воды, а может, лучше чаю?

— Нет, братик, правда, ничего не надо. Спасибо.

Когда Павел вышел из комнаты, Ольга уже медленно погружалась в состояние легкого забытия. Воспоминания теперь стали ее любимым занятием, но, перемешиваясь в своей кон-

трастности, они волновали ее еще и потому, что, когда хотелось вспомнить что-то одно, в памяти непременно оживало другое, то, что, напротив, хотелось поскорей забыть. Так и сейчас ей вдруг вспомнились события, которые произошли год назад, когда череда внезапных обмороков обернулась неожиданным и кошмарным диагнозом врачей. Она вспомнила себя, хрупкую, бледную, враз похудевшую и ожидавшую теперь выноса врачебного вердикта, вспомнила снувшего в больничном коридоре врачей и странный, срывающийся голос матери, возражающей в чем-то заведующему отделением, а потом еще свое горькое осознание того, что произошло что-то ужасное и непоправимое, то, что так тщательно скрывают от нее. Вспомнила она и тот вечер наедине с матерью после выписки домой, и свой откровенно вопросительный взгляд, не терпящий никакой лжи, и это страшное слово, как раскат грома, слетевшее с губ: «Р-а-а!»

На какое-то время Ольга забылась коротким сном, будто провалившись в какую-то темную бездну, но потом где-то глубоко, как на дне бездонной пропасти, вдруг ожили воспоминания о выпускном вечере, о шумной толкотне взволнованных выпускников, о ней самой в своем скромном, но безукоризненно изящном белом платье, расшитом ею вручную мелким бисером, создающим иллюзию жемчужной окантовки. И на том самом выпускном вечере ей, казалось, не о чем больше было мечтать: в институт она уже поступила экстерном по результатам городской олимпиады, и именно на психфак, как хотела, учителя называли ее своей гордостью, в хореографической студии ей всегда доставались сольные партии, от подруг не было отбоя, как, впрочем, и от представителей противоположного пола, а главное — он, единственный и неповторимый, очаровательный, внимательный, нежный, такой влюбленный Мужаев Олег из параллельного класса, был рядом и, казалось, навсегда. Ольга была человеком, который редко впадает в состояние эйфории и от успехов, и от волнующих ухаживаний, но, встретив его, уже не могла, как прежде, оценивать человека с точки зрения разума вкупе с ее безошибочной интуицией. Только теперь она поняла, как правы психологи и философы со своей теорией сочетания двух вечных гармоничных начал: инь и янь. Только теперь ее, такую серьезную,

сильную, целеустремленную, не принимающую ничего на веру и привыкшую всего и всегда добиваться самой, словно захлестнуло какой-то неудержимой волной нежной любви, которую она сначала пыталась так тщательно скрыть и от него, и от самой себя, и от матери, и от близких подруг, но потом чувства таким неудержимым потоком хлынули наружу, что для Ольги не осталось больше никаких «можно» и «нельзя» — во всей Вселенной существовали только Он и Она...

Вдруг резкий щелчок по стеклу вернул Ольгу на землю. «Наверное, соседские мальчишки хотят позвать Пашку на улицу, бросая в окно камнями, а у меня даже нет сил встать», — подумала она, и слезы вновь предательски навернулись на глаза. Теперь в ее памяти ожили совсем другие воспоминания. Она вспомнила себя во время первого сеанса химиотерапии, который она мужественно пыталась перенести, несмотря на периодические приступы рвоты, плачущую у изголовья мать, непонятно почему молчащую трубку телефона, а еще свою «закадычную» подругу Ленку Мастракову, первой поспешившую сообщить Ольге известие о том, что Олег уже встречается с другой.

Оля долго не могла поверить в услышанное, сначала вспоминала все самые дорогие сердцу волнующие минуты быстротечного счастья, плача, думала о роковом стечении обстоятельств. О том, что даже имена у них были одинакового происхождения, о том, что они с Олгой, как и ее отчим, и что они с ним так поразительно похожи. «Я вижу, как тебе сейчас тяжело, — сказала ей однажды мать, сидя, как обычно, у изголовья ее кровати в больнице и тихонько поглаживая все еще пышные, как это ни странно, почти не пострадавшие от сеанса химиотерапии волосы. — И я знаю, что никто и никогда, даже я, не смогу подобрать нужных слов, чтобы утешить тебя. Но я хочу, чтобы ты знала, что никакие обстоятельства на земле, даже второе пришествие Христа, не изменят одного: у меня есть ты, а у тебя есть я, и так будет всегда, потому что твоя жизнь — это моя жизнь. И еще я хочу, чтобы, несмотря ни на что, ты не потеряла веру в людей, ведь на этом и стоит вся наша жизнь».

Теперь она уже совсем проснулась и отрешенно смотрела на кусочек безмятежного, голубого, почти бирюзового неба. Радугины жили на седьмом

этаже, так что лежа Ольга могла видеть только этот небольшой кусочек бездонного неба. Но для Ольги он был одновременно и целой Вселенной, и ее маленьким миром, в который никто не мог проникнуть, так как это было слишком ценное, сокровенное, недоступное, как она считала, для других людей. Этот кусок неба всегда был разным: то подсвеченным лучами заходящего солнца, то хмуро-серым во время затяжного дождя, то совсем белым, когда шел снег. Ольга даже научилась определять для себя погоду, не смотря на термометр и не слушая прогноз по радио. Самым же любимым был для нее нежно-голубой, бирюзовый цвет ее неба. Потому ли, что он напоминал ей детство, или просто это был ее любимый цвет, цвет безмятежного девичьего счастья, она не знала, но зато общения с этим небом, этим миром, который она сама для себя оживила, не могло заменить ей ничто, даже разговоры с матерью. Анна Александровна, тихонько открыв дверь и боясь невольно потревожить дочь, завороченно смотрела на нее, казавшуюся спящей, но инстинктивно вздрогивавшую при появлении в комнате человека — во время болезни у Ольги обострились все ощущения.

— Я думала, ты еще на работе, — почти прошептала она навстречу идущей матери.

— Я знаю, милая, но я пришла пораньше, чтобы порадовать тортом мою именинницу.

— Мама, ты смешная. Какую именинницу? Я еще не забыла, что мой день рождения осенью, осенью, мам, а не весной, — она тихонько засмеялась.

— Конечно, но ты совсем забыла, что сегодня твои именины, я не оговорила: сегодня день твоего ангела, поздравляю.

— Господи, мам, ты что, помнишь, когда у меня день ангела? Уму непостижимо!

— Позволь мне помнить кое-что за нас двоих. Сейчас дождемся Павлушку и будем пить чай.

— Подожди, еще успею. Сядь со мной, я так соскучилась за день. Можно, я тебе кое-что покажу? Посмотри в окно, только отойди немного. Видишь это?

— Что — это?

— Как что, мама? Бирюзовый путь:

вон ту линию, что соединяет этот кусочек неба с нашим домом?

— Да, теперь вижу.

— Это моя тайна, но теперь она и твоя тоже, ведь «моя жизнь — это твоя жизнь», помнишь? Ты будешь смеяться, но я даже написала стихотворение.

Так вот просто смотрела на это небо, и строчки вдруг родились сами собой:

*Я пройду этот путь,
и пройду до конца,
Как друг друга находят
два нежных кольца,
Пусть он манит меня
бирюзовым крылом.
Но зато не одна я —
мы с небом вдвоем!*

Дальше мать уже не слушала, плотно закрыв лицо руками, словно сжав их в какие-то железные тиски, и ее нервно дрожащие тонкие пальцы сейчас показались Ольге такими беззащитными, что она, прижав к ее руке, стала покрывать их частыми мелкими поцелуями:

— Ну, не плачь, родная моя, не плачь, помнишь, как у царя Соломона: «Все проходит, и это пройдет». Не терзай себя, прошу. Ты знаешь, я много думала, глядя на этот бирюзовый путь, и, может, само Небо, сам Бог дал мне ответ на все мои вопросы. Я поняла, что человеку не может быть хорошо всегда, понимаешь? Не может быть хорошо всем и всегда. Я где-то слышала, что Господь не дает человеку креста больше, чем тот может вынести. Поэтому он должен переболеть своей болью, чтобы ощутить всю радость бытия, радость своего пребывания в этом мире. Только тогда, очистившись своим страданием, он поймет, что просто жить, без богатства, без денег, даже без любви, просто дышать этим воздухом — это счастье! Как женщина, долгие годы не имевшая детей, вдруг обливается слезами, узнав, что она беременна, — вот для нее счастье, в этой одной новости вся Вселенная, понимаешь? Как солдат, очувшись после контузии, понимает вдруг, что он жив, просто жив, пусть даже ему оторвало ногу. А для меня счастье — это знать, что не где-то на краю земли, а здесь и сейчас, в этой комнате, есть человек, которому я всегда буду нужна: всегда и в любом состоянии, и что над нами сейчас есть это Небо, не безразличное, я знаю, а такое прозрачное и бирюзовое, как твои слезы.

Теперь уже обе, не скрывая своих чувств, сидели, обнявшись и плача, на кровати, молча стискивая друг другу руки и смотря в окно. И даже вбежавши в комнату испуганный рыданиями матери и сестры Пашка не посмел нарушить эту картину, на которой было всего три действующих лица: мать, дочь и вечный, как жизнь и смерть, бирюзовый путь...

